

Вира Канарейски

В селе вымерло много людей. В то время я не могу сказать, сколько и кто, но были, значит, наши - семья, потому что это были мои двоюродные брат и сестра.

И вот, однажды, приходят... Хоть нас и раскулачили, но мама что-то где-то немного прятала. И даже дальше от села – какое-то зерно, кукурузу или еще что-нибудь. И приносила в мешочке в карманах, чтобы никто не видел и не знал. Ну, а ту кукурузу, знаете, сварили там, или приварили. Мы поели – ну и поели. Но мы же - дети. Мы ее хорошо не прожевали, извините, ну и пошли себе, куда нужно. Ну и приходят, эти, «КГБ»: «У вас есть хлеб? У вас есть это, у вас есть это спрятано?» Но у нас не было ничего спрятано. «Как нет? Анну, пошли!». Ну а там, на дворе, у нас как раз был хлев, или что-то вроде того. Не было таких удобств, как сейчас. Дети пошли и сели там. А они говорят: «А кто это сделал? Куры или соседи? Это же ваши дети?».

Забрали нас. Не могу сказать, как долго они нас держали. Но они нам есть не давали - только давали воду пить. Ну, а как желудок еще очищался, так та кукуруза еще выходила. Ну, так уже пришили маме «врага народа».

- *А что это значит – «враг народа»?*
- Это - государственный преступник.
- *Враг народа?*
- Враг народа.

Маму забрали от нас, но не вывезли из села, а держали ее в селе, в закрытой комнате где-то. А она только просила, чтобы нас привезли. Она хотела увидеть нас, самых младших, – меня и брата. И когда мы пришли, то я только помню, что мама лежала и просила, чтобы я подошла к ней ближе. Я подошла, она меня погладила по голове и так руку погладила. Больше я ничего не помню. После этого я мамы уже не видела, потому что потом она умерла.